

НИКОЛАЙ КАЛАШНИКОВ

Москва. Окраины

Как представляет себе Москву ее житель? Как правило, это исторический центр, станции и тоннели метро, ближайшие окрестности дома, института или работы, два-три места, где живут родственники или знакомые. Москвич живет в этом освоенном им пространстве, редко выбираясь за его пределы.

Боязнь заблудиться, страх перед неизвестными улицами и районами, отсутствие интереса — неизменные спутники горожанина. Жители смотрят на свой город «из-под земли», осваивая его географию и топонимику по схеме метро. Малую часть этой «подземной» Москвы занимает центр, а большую — огромные окраинные районы. Сложившийся еще в советское время миф о близости новостроек препятствует свободному и непредвзятому их восприятию. Такой взгляд на город типичен для России и уже неоднократно воспроизводился. Так, в середине XIX века не было для культурного человека более омерзительного зрелища, чем строгое классицистическое здание с традиционным портиком. «Казарма», «близость» и «казенщина» — вот типичные отзывы современников о шедеврах русского классицизма. Только спустя десятилетия потомки с восхищением и ностальгией откроют для себя эту архитектуру. Потом та же история повторится и с эклектикой, модерном, конструктивизмом, сталинским стилем... Механизм увлечения-отрицания-ностальгии внутренне свойственен русскому культурному обществу и продолжает самовоспроизводиться до сих пор.

Вместе с тем, панельные и блочные многоэтажки спальных районов Москвы — это явно специфический пласт архитектуры, к которому трудно питать те чувства, которые принято испытывать к «настоящей» архитектуре. Домами-«коробками» сложно любоваться, они не поражают оригинальностью, более того, просто не вызывают даже чувства уюта и комфорта. Зато описательные эпитеты — «казарма», «близость» и «казенщина» — знакомые еще по архитектуре классицизма, здесь так и готовы сорваться с языка.

Откуда возникает этот феномен отрицания современниками обыденной архитектуры? Очевидно, что ошибки во взгляде горожанина-современника быть не может — иначе механизм ее воспроизведения не работал бы так четко, как не может быть и ошибки во взгляде потомка-эстета. Единственный возможный вывод — они просто видят *разные* здания.

Современники имеют возможность видеть дома в окружении исторической застройки — сараев и гаражей, пролетов и дребезжащих на ухабах «ЛиАЗов», фруктовых садов и заросших бурьяном оврагов. Потомок-эстет лишен этой возможности, ему приходится домысливать безвозвратно утраченное — и его домысел неизбежно более привлекателен, чем реальный исторический прототип. Вместе с тем, потомок-эстет способен видеть гораздо больше современника — он имеет возможность сравнивать, у него есть общие представления о том или ином пласте архитектуры — он знает, как шло его развитие, представляет себе основной круг памятников-шедевров и имена архитекторов. Зритель-современник не имеет таких возможностей для анализа — он доверяет лишь своим непосредственным чувствам. На мельницу потомка-эстета непрерывно льет воду время, день ото дня сокращая историческую среду памятников, их число, тем самым облегчая возможности для систематизации и эстетизации изучаемого стиля.

В последние годы Москва в очередной раз меняет свой стиль — разбогатевшие службы благоустройства меняют облик дворов, «элитные» дома преобразуют улицы и площади. В связи с этим становится актуальной судьба уходящей в прошлое застройки 1960-80-х годов — еще не снесенных пятиэтажек, брежневских спальных районов, еще не «обезображенных» монолитными домами. Еще почти нетронуты промзоны, дымят стареющие ТЭЦ... Пока все это окончательно не исчезло, как исчезли паровозы, электрички с тремя дверями и дровяные сараи во дворах домов, есть возможность изучить и систематизировать достаточно цельный и значительный пласт московской архитектуры XX века.

* * *

Какова она, московская окраина, на самом деле? Если смотреть на застройку Москвы в двадцатом веке, как на художественное произведение, то легко угадать ее главных творцов. Первый творец — строитель-колонизатор, действующий в союзе с мощной техникой, передовыми технологиями и четким планом. Второй же — городской обыватель, который, осваивая городское пространство, решает свои собственные, частные задачи; ближайшие его союзники — хаос и всеядная природа.

На краю любого, пусть даже самого экспериментального и «продвинутого» московского района (типа Песчаных улиц или Северного Чертаново), обязательно будет огромный гаражный массив, а то и просто неухоженный овраг или пустырь. Граница действия градостроительных пла-

нов обрывается с той же неотвратимостью и бесповоротностью, с какой реализовывалась буквально в десятке метров до этого. На этих, неосвоенных градостроителями землях хозяйничает городской обыватель — ставит машины, разводит огород, строит голубятни и столики для домино, а то и просто сваливает мусор. Именно здесь самое любимое место детских игр и подросткового хулиганства.

Архитекторы и градостроители неоднократно замахивались на эти территории, но по сути это была борьба с собственной тенью. Ликвидированный в одном месте, беспорядок мгновенно возрождался в другом. Градостроительные возможности не позволяли вести борьбу сразу по всем фронтам — одновременно строить метро и благоустраивать дворы, возводить новые дома и ремонтировать старые. Город не успевал за темпами своего же роста, это оборачивалось многочисленными долгостроями, которые становились яркими мазками в картине городского хаоса.

Это усугублялось и исконным свойством советской архитектуры, последовательно реализовывавшемся на каждом ее этапе — рассмотрение всей ранее сложившейся застройки, как несвоевременной, малоценной и потому подлежащей сносу. Такой подход, уходящий корнями еще во времена Петра I, заставлял игнорировать сложившуюся застройку, исходить не из существующего архитектурного и ландшафтного окружения, а из планируемого. А так как градостроители никогда не успевали доводить свои планы до конца, то в результате на теле города появлялись лоскутные, разностильные кварталы, прерываемые промзонами и неблагоустроенными территориями. Естественно, что впоследствии этот градостроительный опыт воспринимался как несовершенный, и потому подлежащий полному преобразованию.

Территория города раз за разом подвергалась волнам внутренней колонизации. Периодические попытки власти унифицировать городские пространства и придать им единый стиль, гасли из-за огромности территорий и ограниченности ресурсов, оставляя после себя островки более или менее законченных районов.

Некоторые из таких районов ухитрялись несколько раз побывать полигонами для градостроительных экспериментов. Район между Карамышевской набережной и проспектом маршала Жукова (Хорошево) сохранил яркие следы трех эпох. Со времен строительства канала Москва-Волга (вторая половина 1930-х годов), когда рядом был построен шлюз, здесь остался семиэтажный очень странного вида дом — монументальный и импозантный фасад, увенчанный огромным карнизом-ширмой, его тыльная сторона по простоте и аскетизму приближается к доходным домам возле питерского Обводного канала. Сейчас он выглядит одиноким и могучим динозавром среди первых хрущевок, которыми экспериментально застраивалось Хорошево в конце 1950-х годов, как когда-то возвышался среди современных ему деревянных бараков. Очень плотная пятиэтаж-

ная застройка 1950-1960-х годов сейчас постепенно редет и уступает место современным домам серии П44 – именно с этого района в середине 1990-х начался эксперимент по расселению и сносу пятиэтажек.

Исторически сложилось, что Москва развивалась неравномерно, ее северо-восточные районы всегда были гуще заселены, там раньше появилась постоянная застройка. Юг и запад, отрезанные от центра рекой, осваивались гораздо медленнее, земли там оставались достаточно свободными вплоть до середины XX века.

Массовое жилищное строительство, начавшееся в середине 1950-х годов, намного легче было осуществлять на свободных землях – не нужно учитывать уже сложившуюся застройку, тратить средства на ее снос и переселение жителей. Здесь гораздо больше свободы и архитектору, и строителю, и чиновнику.

После расширения границ Москвы в 1961 году до пределов МКАД в черту города вошли не только пустынные, но и уже весьма освоенные территории – пять крупных подмосковных городов (Бабушкин, Кунцево, Люблино, Перово, Тушино), 13 крупных рабочих поселков (Бирюлево, Вагостроитель, Капотня, Курьяново, Красный Строитель, Ленино, Очаково, Сабурово), обжитые земли вдоль крупных транспортных артерий (железных и шоссежных дорог). Территория столицы была расширена в 2,5 раза, ее население увеличилось на 1 миллион человек, из которых около 300 человек составили сельские жители¹.

Свободные территории на тот момент – это уже упоминавшийся юго-запад (район Профсоюзной улицы – Мичуринского проспекта); территория Ходынского (Октябрьского) поля на западе; свободные, но достаточно удаленные от центра, земли на севере; район Измайлово на северо-востоке; удаленные от города земли в Кузьминках, Люблино и Печатниках; практически ничем не ограниченные земельные ресурсы на юге.

Наиболее предпочтительным для строительства направлением стало юго-западное (его освоение намечалось еще в генеральном плане 1935 года). Именно на юге и юго-западе Москвы сложилась хронологически четкая, напоминающая годовые кольца у дерева застройка – сначала сталинская (Волхонка-ЗИЛ), потом хрущевская (Балаклавский проспект), затем брежневская (Чертаново). В других направлениях от центра такую последовательность проследить сложнее: классическая хронологическая последовательность теряется, свободных земель здесь было меньше и застройка велась более точно, образуя мозаику из разных стилей.

Тем не менее, даже в самых «классических» с точки зрения планировки районах ситуация была далека от идеальной. Планам проектировщиков мешали совершенно случайные факторы – природный рельеф, дей-

¹ Москва в цифрах за годы советской власти. М., 1967. С. 11

ствующие предприятия, «куски» старой застройки. Связное архитектурное пространство нарушалось, типичными приметам города становились промежуточные межрайонные территории, которые постепенно захватывались автомобилистами или огородниками. Как уже говорилось выше, первые возводили на них гаражные массивы, с их специфической субкультурой, вторые — не менее специфический мир огородов, хижин, заборов из кроватных спинок.

Даже отдельные дома оставались полем битвы между хаосом и порядком. Сколько сил было потрачено городскими властями на борьбу с застекленными балконами, нарушающими цельность художественного облика панельных домов — все безуспешно. Такая же трагическая судьба ожидала скромное советское благоустройство дворов — попытки их колонизации терпели фиаско одна за другой.

Такое сопротивление материала, нежелание людей ложиться в прокрустово ложе советского градостроительства, особенно обострилось после крушения сталинской архитектуры. Сталинские дома, особенно невысокой послевоенной застройки, были гораздо гуманнее и тождественнее человеку, чем творчески переосмысленное и поставленное на индустриальный поток наследие аскетичных конструктивистов. Только колоссальными усилиями — застеклением балконов, уничтожением лампочек в подъезде и расписыванием фасада лаконичными надписями фривольного содержания — новые дома приводились в обжитое и понятное человеку состояние.

На преодоление отчуждения между человеком и градостроительным объектом работали и позитивные, и деструктивные силы. Клумбы в покрышках тяжелых грузовиков, душевные песни под гитару в спящих подъездах, посиделки на лавочках, озеленение двора на субботнике — постепенно названия новых районов становились родными, а таксисты переставали бояться ездить в такую глушь, как Чертаново или Алтуфьево. «Бетонные джунгли» обживались и тем самым отвоевывались у бездушных колонизаторов-градостроителей. До сих помню спор с моим другом-летописеведом, который считал каноническими девятиэтажки со светло-коричневой облицовкой, в то время как я всегда считал нормой серую их облицовку. Каждый из нас отстаивал свою родную окраину.

Неухоженное межрайонное пространство, усугубляемое отсутствием нормальных транспортных коммуникаций между районами, породило синдром многослойности городских окраин. Признаки окраинных территорий есть уже в районах, достаточно близких к Садовому кольцу. Поселок у станции «Канатчиково» Московской окружной железной дороги: 10 минут пешком от метро «Ленинский проспект», никакого транспорта, десяток пятиэтажных и двухэтажных домов — все приметы типичной окраины, притом глухой. Еще несколько лет назад он был зажат между же-

лезной дорогой и промзонами, теперь — между железной дорогой и проложенным на месте промзон третьим транспортным кольцом.

Островок многоэтажек Сетуньских проездов расположен через реку от стадиона «Лужники» и Новодевичьего монастыря, но все черты окраины — удаленность от метро, отрезанность от соседних районов, достаточно хаотичная застройка — здесь налицо. Забавное «украшение» этого района — живописная композиция из наваленных друг на друга бронетранспортеров возле каскадерского центра.

Схожая ситуация и в районе Павелецких проездов, расположенном между Павелецкой железной дорогой и Москвой-рекой. Вместе с соседними Кожевниками, он представляет собой исключительный пример московского захолустья — жилые дома вперемежку с промзонами, пестрота застройки — от рабочих казарм XIX века до брежневских «панелек». Попадают и уникальные для современной Москвы пейзажи — две жилых рабочих казармы, между которыми проходит железнодорожная ветка, на которой стоит брошенный тепловоз с прицепленными цистернами.

Настоящим городским курьезом является и дачный поселок в пяти минутах ходьбы от станции метро «Тимирязевская». В районе улицы Вучетича сохранилась не только усадьба скульптора, в честь которого и названа эта улица, но и несколько добротных дач первой половины XX века. Особый шарм и без того странному для центра города району придают творения скульптора Вучетича — возвышающийся над деревьями колоссальный бюст Ленина и огромная, сильно тронутая временем, бетонная голова Матери-Родины со сталинградского Мамаева Кургана.

Подобная нестабильность в развитии районов наблюдается и на окраинах. Хронологически четкая городская застройка вдоль магистралей в чистом виде наблюдается только на Ленинском проспекте — дореволюционная застройка в его начале, сталинская предвоенная застройка до площади Гагарина, участок послевоенной застройки до Ломоносовского проспекта, участок парадной хрущевской архитектуры до улицы Кравченко, короткий участок хрущевки до улицы Лобачевского, далее брежневский участок до МКАД.

Вдоль остальных магистралей, и, тем более, в стороне от них, подобной хронологической последовательности не просматривается. Типичный пример этого — Дмитровское шоссе, где сталинская застройка сменяется брежневской, затем — восьмиэтажными домами конца 1950-х годов, после этого, за промзоной в долине реки Лихоборки, начинается значительный массив хрущевских пятиэтажек, а завершается все сталинскими домами рабочего поселка Вагоностроитель.

Тем, не менее, несмотря на недостаточность своих возможностей, идеология не позволяла градостроителям представлять город таким, как

он был на самом деле — им приходилось просчитывать свои действия на несколько шагов вперед и учитывать идеальные условия будущего в ущерб современным. Яркий пример — неблагоустроенный пустырь в районе Старокаширского шоссе, предназначенный для прокладки крупной автомагистрали, просуществовал около 40 лет (!) прежде чем эта магистраль была наконец сооружена.

Кроме следования зачастую несбыточным планам, типичной для советских строителей и архитекторов чертой была показуха — все силы бросались на сооружение центральных зданий и окраинам не уделялось почти никакого внимания. Яркие примеры этого — окрестности Кутузовского проспекта, где роскошные сталинские дома мгновенно переходят в промзоны, глухие проулки и вездесущие гаражи. Примерно такая же ситуация — и в районе проспекта Мира, Ленинского, Ленинградского.

* * *

Неосвоенные территории разбавляли жесткие и лишённые индивидуальности районы массовой застройки, придавали им шарм и черты индивидуальности, делали их пригодными для живого восприятия.

Промзона, овраг или просто пустырь (эти территории часто соседствовали, плавно переходя в друг друга) были не только значительными социальными явлениями, но и имели огромное социальное значение для советской Москвы. По сути, они заменяли недостающие элементы городской инфраструктуры: здесь играли в футбол, здесь выпивали после работы и по выходным, расположившись на деревянных ящиках из ближайшего овощного. Тоскующие по сельскому хозяйству горожане разводили в оврагах огороды, автомобилисты засыпали их и устраивали стоянки и гаражи.

Освоение новых территорий градостроителями чаще всего велось по пути наименьшего сопротивления — обходились трудные по рельефу участки, неохотно затрагивалась уже существующая застройка. Новое строительство «перепрыгивало» через эти земли, создавая затейливую череполосицу стилей. В результате один район мог быть отрезан от другого предприятием, успевавшим захватить себе обширную территорию, или просто оврагом, нивелировка которого в тот момент казалась градостроителям невыгодной. Город крайне лояльно относился к таким явлениям: если в последние годы наметилась тенденция к нехватке свободных городских территорий (хотя их все еще очень много), то в советское время их было более чем достаточно.

До нашего времени прекрасно сохранилось царство хижин и огородиков в долине реки Сетуни. Эта территория между районом элитных домов на Минской улице и брежневскими многоэтажками Матвеевского в последние годы даже приобрела особую прелесть из-за тесного соседства с элитными жилыми комплексами и небоскребами. Здесь четко выдер-

жаны все каноны — крайне запутанная сеть тропинок, устрашающего вида заборы из самых удивительных подручных материалов — от уже упоминавшихся кроватных спинок до дверец холодильников. Здесь можно легко забрести в болото, но очень трудно найти переход через неширокую речку или хотя бы выход из лабиринта заборов. На юге этой территории, вблизи станции «Матвеевская», еще сохранились настоящие деревенские дома и даже есть действующая водопроводная колонка (всего их в Москве осталось сильно меньше десятка).

Некоторые пустыри в результате многочисленных и неудачных попыток освоения приобретали удивительный для наших широт ландшафт. К примеру, на месте нынешних рынков возле метро «Пражская» после нескольких неудачных попыток засыпать существовавшие там пруды сформировалась очень причудливая местность — заросшая мелким подлеском смесь маленьких прудиков, холмиков и островков, покрытая густой сетью тропинок и по запутанности и живописности превосходившая многие ландшафтные парки. Стоит ли пояснять, что ландшафт этот был хорошо обжит местными жителями и служил местом многочисленных пикников.

До сих пор возле юго-восточной границы Москвы в подмосковном городе Дзержинский существует удивительное по красоте место — наполовину скрытый при разработке песчаного карьера высокий холм. Верх его зарос лесом, выработанные карьеры заполнились водой, и вся местность напоминает скорее уральский, чем среднерусский пейзаж. Местность настолько необычна и живописна, что даже заслужила у ценителей прозвище «Карловы Вары». С вершины холма карьера отрывается один из лучших видов на Москву — от Орехово-Борисова до Жулебина, в ясный день хорошо видно здание МГУ, другие московские высотки, в бинокль можно разглядеть колокольню Ивана Великого и Спасскую башню Кремля (расстояние по прямой около 15-20 километров), самый дальний из видимых объектов — труба Северной ТЭЦ возле Мытищ. Средний план — крупные предприятия: Капотнинские ТЭЦ и нефтеперерабатывающий завод, чуть дальше — многоэтажки жилых районов. Передний план занимает полный стилизованных мелких деталей полуосвоенный пейзаж — огороды, обнесенные заборами из строительного мусора, разномастные гаражи, заводики, пруды, горы песка и гравия...

* * *

Хотя Москва — один из крупнейших промышленных центров России, здесь нет гигантских и поражающих воображение предприятий. Довольно крупный нефтеперерабатывающий завод в Капотне, по ночам освещающий своим газовым факелом многоэтажки юго-востока Москвы, меркнет перед пейзажами башкирского Стерлитамака и пермского района

Осенцы. Металлургический «Серп и молот» не идет ни в какое сравнение даже с небольшими Косогорским или Чусовским заводами, не говоря уж о таких гигантах, как «Северсталь» или Новолипецкий комбинат. Химические, машиностроительные предприятия и автозаводы также не придают столице особо неповторимых индустриальных черт.

Вместе с тем, в промышленной Москве есть то, чего в таких объемах нет в других индустриальных центрах — ТЭЦ. По количеству и мощности ТЭЦ с Москвой может тягаться только Петербург, но и здесь пальма первенства с явным отрывом остается за столицей.

ТЭЦ с их трубами и градирнями — это весьма значительные градостроительные объекты советской Москвы. Трубы выполняют роль городских доминант, сопоставимых по своей роли со сталинскими высотками или колокольнями старой Москвы. Трубы самых старых, довоенных ТЭЦ Москвы — на Раушской и Краснопресненской набережных, в Симоновой слободе — железные, небольшой высоты. На ТЭЦ 1950-60-х годов трубы возводились уже из бетона, традиционно располагаясь в линию вдоль основного корпуса станции — на Октябрьском поле их три, а у станции метро «Ленинский проспект» и в Капотне — целых шесть. В брежневские времена у ТЭЦ строили по две добротных высоких трубы. Самые высокие трубы в Москве тогда были построены на ТЭЦ в районе Щелковского шоссе. По своей конструкции это ближайшие родственницы Останкинской телебашни.

Градирни — циклопические сооружения из серого бетона — обычно производят на горожан гнетущее впечатление. Хотя они вполне безобидны — это всего лишь устройства для охлаждения воды, — именно они являются символом угрозы окружающей среде. Впрочем, если приглядеться, в этих угрюмых сооружениях можно найти свою прелесть — в наших широтах нет зданий ближе к столь ценимой культурными людьми средневековой архитектуре, чем они. Стоит отметить и курьезный факт из жизни градирен — многие из них украшены надписями «Купаться запрещено», адресованной падким до купания в теплой воде работникам ТЭЦ.

Каждая из теплоэлектроцентралей представляет из себя значительный архитектурный ансамбль. Очень монументален вид на Очаковскую ТЭЦ с востока, со стороны расположенного рядом обширного пруда. Возле одной из ее градирен притулилась церковь середины XVIII века, построенная в стиле елизаветинского барокко. Капотнинская ТЭЦ с шестью трубами и восемью градирнями, построенная на высоком берегу Москвы-реки, господствует над окрестностями, являясь архитектурной доминантой крупнейшего промышленного района Москвы.

Другая гордость индустриальной Москвы — обширнейшие промзоны. Самые крупные из них сопоставимы по площади с крупным жилым районом и обширней, чем территория внутри Бульварного кольца — это рай-

оны Капотни, Очаково, Магистральные проезды на Хорошевке, Текстильщики, Бирюлево, Коровино. Список мелких промзон настолько обширен, что проще перечислить районы, где их нет или почти нет.

Промзоны сильно отстают в развитии от остальной Москвы, здесь медленнее течет время, а следы изменений последнего десятилетия практически не видны. На улицах промзон мало машин, сюда еще не добрались службы благоустройства с клумбами и стрижкой газонов под корень. В промзонах еще можно встретить плакаты и лозунги советского времени, в них можно наткнуться на самые странные вещи — от маленьких кладбищ, не обозначенных на картах, до самолетов, чьей-то недрогнувшей рукой выброшенных на помойку. В выходные дни промзоны — одно из самых тихих и спокойных мест Москвы.

* * *

Новый период в градостроительной истории Москвы, начавшийся десять лет назад, в последние два-три года стал ощущаться не только в центре, но и на окраинах. Крупные торговые центры и рынки, кафе и цветники, расширение дворовых проездов для стоянки машин и красивые детские площадки — все это изменяет привычный облик спальных районов.

Появление рынка жилья и нехватка свободных территорий неизбежно вызовут всплеск точечного строительства в уже обжитых районах, что ускорит их обновление. Более того, все острее стоит проблема старения жилых домов. Ярче всего это проявилось на судьбе хрущевских пятиэтажек, но за ними в очереди стоят и брежневские девятиэтажки, а вскоре подоспеют и семнадцатизэтажки восьмидесятых. Конвейерные методы возведения жилья не компенсируются аналогичными методами его реконструкции, поэтому город еще долго будет сталкиваться с необходимостью заново колонизировать ту или иную часть своей территории, продолжая тиражировать стилистическую чересполосицу и никогда не успевая опередить процесс старения.

А пока еще можно любоваться настоящими пятиэтажками Зюзино и Кузьминок, девятиэтажками Беляево и Гольяново. Мы видим их в естественной исторической среде, для их понимания нам не нужно читать искусствоведческую литературу. В ближайшие годы у нас эта возможность еще есть, но процесс эрозии следов прошедшей эпохи уже начался.